

Дария Тим

ФУНДАМЕНТ
ЧУВСТВ

Дария Тим

Фундамент чувств

<https://litres.ru/73880556>

SelfPub; 2026

Аннотация

Студентка-архитектор Лиза Новикова привыкла все рассчитывать. Но идеальный план на третий курс рушится, когда в сорок третью квартиру заселяется новый сосед. Марк Стонов — холодный, властный и пугающе талантливый профессор университета, где учится Лиза. Днем они соблюдают строгий этический кодекс, но ночью слышат дыхание друг друга через тонкую бетонную стену. Сможет ли их тайная связь стать нерушимым фундаментом или страсть погребет обоих под обломками?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дария Тим

Фундамент чувств

Глава 1

Лиза

Я старалась не дышать, когда ключ наконец поддался. В этом старом доме замки жили своей жизнью, особенно если ты возвращалась за полночь. Шел последний месяц лета, и даже ночью город не остывал, оставляя в подъезде тяжелый, липкий воздух. Я едва переставляла ноги после смены на подработке — самостоятельная жизнь, ради которой я полгода назад сбежала от родительской опеки, оказалась куда изнурительнее, чем я представляла.

Коридор освещала одна-единственная тусклая лампочка, и когда дверь в сорок третью квартиру открылась, я почти подпрыгнула.

— У этой двери есть секрет, — раздался низкий, чуть хриловатый голос.

Я замерла. Из соседней квартиры, которая пустовала все те полгода, что я здесь жила, вышел мужчина. В полумраке его фигура казалась огромной. На нем была простая футболка, серый хлопок плотно облегал плечи, а в руках он держал тяжелую стопку книг.

— Секрет? — переспросила я, чувствуя себя глупо с зажатым в кулаке ключом.

— Нужно надавить на нижний край и только потом проворачивать. Хозяин забыл вас предупредить?

Он подошел ближе. Настолько, что я почувствовала запах кедра и холодного вечернего воздуха, который странным образом просочился сквозь летнюю духоту. Его глаза, темные и пугающе внимательные, задержались на моем лице на секунду дольше, чем того требовали приличия от соседей.

— Я справлюсь, спасибо, — я поспешно нырнула в свою квартиру, даже не взглянув на него напоследок.

Сердце колотилось где-то в горле. Всю ночь я не могла уснуть. Через тонкую стену доносились звуки его новой жизни: шорох распаковываемых коробок, глухой стук книг, шаги. Спокойные, размеренные. Я представляла, как он ходит там, за стеной, в нескольких метрах от моей кровати, и это почему-то мешало дышать.

На следующее утро жара стала еще невыносимее. Я спустилась на первый этаж, надеясь успеть забрать квитанции до того, как отправлюсь на очередную смену. Старые почтовые ящики, выкрашенные в облупившийся серый цвет, висели в узком проходе у самого выхода.

Я возилась с крошечным ключом, который никак не хотел входить в заржавевшую щель, когда за спиной хлопнула тяжелая входная дверь. Прохладный сквозняк на секунду коснулся моей шеи, а следом пришел уже знакомый аромат

кедра.

— Доброе утро, — голос соседа прозвучал неожиданно близко.

Я вздрогнула, и ключ со звоном полетел на бетонный пол. Прежде чем я успела наклониться, мужчина уже был рядом. Он подхватил ключ и, не спеша отдавать, внимательно осмотрел его, а потом и мой почтовый ящик.

— Вижу, в этой квартире проблемы не только с дверными замками, — заметил он. При дневном свете его голос казался более глубоким и властным.

Теперь, без ночных теней, я смогла его рассмотреть. Он был в безупречно выглаженной рубашке с закатанными рукавами. Лицо казалось строгим, почти суровым, а взгляд — слишком пронизательным для простого соседа.

— Я просто еще не совсем привыкла, — ответила я, забирая ключ. — Живу здесь всего полгода, но этот дом будто проверяет меня на прочность.

— Старые дома всегда так делают. Им нужно время, чтобы признать нового человека.

Он протянул мне ключ, едва коснувшись пальцами моей ладони. Контакт был мимолетным, но по коже пробежал странный электрический разряд.

— Надеюсь, сегодня вы вернетесь домой раньше, — он едва заметно кивнул и вставил свой ключ в соседний ящик под номером сорок три. — Хорошего дня.

Он не стал дожидаться ответа и направился к лестнице. Я

осталась стоять у ящиков, глядя ему вслед. Его вежливость была безупречной, но в ней чувствовалась дистанция, которую не хотелось нарушать. И только когда я сама открыла свой ящик — сорок второй, — до меня дошло: он запомнил не только мою дверь, но и то, во сколько я вернулась с работы.

Вечерняя смена в кофейне тянулась бесконечно. Я машинально протирала столешницу, наблюдая, как капли воды исчезают на темном дереве, но мысли были далеко отсюда. В голове, словно заевшая пленка, прокручивалась встреча у почтовых ящиков.

Я прикрыла глаза на мгновение, и образ соседа возник сам собой. Широкие, уверенные плечи, которые так плотно облегал тонкая ткань рубашки. Стройное, подтянутое тело — он двигался с той грацией, которая бывает только у людей, знающих себе цену. Темные, слегка небрежно уложенные волосы и эти карие глаза... В них было что-то пугающе внимательное. А его руки? Я вспомнила, как он поднимал мой ключ. Крупные ладони, длинные пальцы и отчетливые вены, проступающие на коже. От этого воспоминания во рту стало сухо.

— Лиза, заказ на четвертом столике! — окликнул меня бармен.

Я вздрогнула и схватила поднос. «Прекрати», — приказала я себе. Мой единственный опыт отношений на первом курсе закончился катастрофой. Тот парень, который казался

воплощением мечты, просто воспользовался моей доверчивостью и исчез, оставив меня собирать себя по кускам. Тогда я была разбита настолько, что пообещала себе: больше никакой любви. Только учеба, только книги и полная независимость.

И вот теперь я стою с подносом и гадаю, сколько ему лет. Тридцать? Тридцать пять? Он выглядел состоявшимся человеком, мужчиной, у которого за плечами целая жизнь. А я? Для него я просто девчонка из соседней квартиры, которая не может справиться с замком.

«Ты для него слишком молодая, — ядовито прошептал внутренний голос. — И вообще, зачем ты о нем думаешь?»

Я зло тряхнула головой, отгоняя наваждение. Какая разница, какие у него плечи и руки? Он просто сосед. Завтра начнется учеба, третий курс, и мне будет не до фантазий о мужчинах.

Марк

Два года в Берлине в одном из ведущих архитектурных бюро Европы должны были окончательно вытеснить из моей головы мысли о возвращении. Там был масштаб, бетон и стекло, проекты, меняющие облик городов. Но когда старый декан из моей альма-матер предложил мне возглавить курс и поучаствовать в реставрации исторического центра нашего города, я не раздумывал. Архитектор должен строить там, где его корни.

Вернувшись в свою сорок третью квартиру, я первым делом ощутил пустоту. Стены, которые я когда-то сам проектировал под идеальный минимализм, казались холодными. Пока я не встретил её.

Я знал владельца сорок второй — пожилого профессора, который уехал на юг и попросил меня присматривать за жильцами, если возникнут проблемы. Я знал, что замок в этой двери — инженерное недоразумение сороковых годов, требующее особого подхода. Но я не знал, что его будет пытаться обуздать эта девушка.

Когда дверь в коридор открылась, меня не просто удивило её присутствие — меня прошибло током. Как архитектора, меня всегда восхищала симметрия и природная красота, но в ней было что-то большее. Дикое сочетание рыжих волос и пронзительных зеленых глаз на фоне бледной, уставшей кожи. Её пухлые губы были сжаты в упрямую линию, и в этом жесте было столько немой борьбы с этим миром, что я на секунду забыл, как дышать.

Утром у почтовых ящиков я наблюдал за ней. Она была похожа на эскиз, набросанный смелыми, уверенными штрихами, но еще не законченный. Я видел её тонкие пальцы и то, как она вздрагивала от каждого звука.

— Дома, как и люди, требуют терпения, — сказал я, и это была чистая правда. Любое пространство нужно почувствовать, прежде чем оно впустит тебя.

Когда я коснулся её ладони, отдавая ключ, я ощутил раз-

ряд, который не поддавался никаким физическим расчетам. Она была слишком молодой, слишком хрупкой для этого старого дома и, возможно, для этого города.

Я смотрел на её ящик под номером сорок два и понимал: мой план просто «отчитать семестр и заняться проектами» только что пошел трещинами. Через завтра мне выходить к студентам. Но сейчас, за стеной, я слышал её шаги, и этот ритм был идеальнее любой архитектурной композиции.

Я планировал эту лекцию две недели. Знал каждое слово, каждую деталь проекта, который хотел разобрать. Но когда дверь скрипнула и в проеме показался знакомый рыжий вихрь, все расчеты рухнули.

Она стояла там, запыхавшаяся, с покрасневшими от бега щеками. Зеленые глаза расширились от ужаса и узнавания. Я видел, как она судорожно сжала ремень сумки — теми самыми тонкими пальцами, которые вчера касались моей руки у почтовых ящиков.

— Меня зовут Марк Александрович Стонов. Итак, — я заставил себя отвернуться к доске, хотя пальцы, сжимающие мел, едва заметно дрожали. — Тема курса: «Архитектурная композиция и конструктивная логика».

Я чувствовал её присутствие кожей. Она сидела на третьем ряду, опустив голову, но я знал, что она слушает каждое мое слово. И самое худшее — я ловил себя на том, что читаю лекцию только для неё одной.

— В архитектуре, как и в жизни, — произнес я, глядя пря-

мо на неё, — самое важное — это фундамент. Если он заложен неверно, всё здание рухнет при первом же серьезном испытании.

Лиза вскинула на меня взгляд. В нем больше не было страха — только немое, звенящее напряжение. Она поняла, что теперь я не просто сосед. Я человек, от которого зависит её будущее в этом университете.

Я читал лекцию, чеканя слова, но внутри меня билась одна-единственная мысль: «Она моя студентка. Это катастрофа». Но когда я в очередной раз взглянул на неё, замечая, как она прикусила свою пухлую губу, записывая мои слова, я понял — эта «катастрофа» уже стала самой интересной деталью моего возвращения.

Глава 2

Лиза

Когда Марк Александрович — нет, Стонов, теперь только Стонов — захлопнул журнал и вышел из аудитории, я наконец-то смогла выдохнуть. Казалось, всё это время в моих легких был раскаленный свинец вместо воздуха.

— Девочки, вы это видели? — Аня, сидевшая впереди меня, резко развернулась, её глаза буквально горели. — Это же не человек, это какой-то запретный плод. Вы видели его вены на руках, когда он чертил? Я думала, я прямо там, на парте, сознание потеряю.

— А голос? — подхватила Катя, судорожно запихивая тетрадь в сумку. — У меня от этого «Марка Александровича» мурашки пошли даже там, где их быть не должно. Лиза, эй, ты чего зависла? Ты же ближе всех к нему стояла, когда опоздала. Он правда так вкусно пахнет?

Я замерла, делая вид, что очень занята поиском ручки в сумке. В носу до сих пор стоял тот самый аромат кедра и чего-то холодного, мужского. Запах соседа из сорок третьей квартиры.

— Пахнет? Не знаю, — я постаралась, чтобы мой голос звучал максимально безразлично. — Я так переволновалась из-за опоздания, что ничего не заметила. Обычный преподаватель. Строгий только, кажется.

— Обычный?! — Аня всплеснула руками. — Лиза, у тебя что, вместо сердца бетонная плита? Да на него полпотока уже планы строят. Говорят, он из Европы вернулся, там у него свое бюро было. Такой мужчина — и в нашем вузе. Это же подарок судьбы!

Я натянута улыбнулась, чувствуя, как внутри всё сжимается от лжи. Подарок судьбы? Скорее, злая шутка. Если они узнают, что этот «запретный плод» живет за моей тонкой стеной, что он видел меня заспанной и в старой футболке, что он знает, во сколько я возвращаюсь с работы... мне не дадут жизни.

— Слушайте, мне пора на смену, — я быстро вскочила, закидывая сумку на плечо. — Увидимся завтра.

— Смотри больше не опоздай к Стонову на лекцию, — крикнула мне вслед Катя. — А то он тебя точно запомнит!

«Он уже меня запомнил», — пронеслось у меня в голове, когда я почти бегом спускалась по лестнице.

Перед глазами снова и снова всплывал его взгляд — тот самый, когда он на секунду замолчал, увидев меня в дверях. Это был не взгляд профессора на нерадивую студентку. Это было что-то другое. Властное, собственническое и... пугающе знакомое.

Я вышла на улицу, жара ударила в лицо, но меня продолжал бить озноб. Домой возвращаться было страшно. Теперь каждая встреча в коридоре, каждый шорох за стеной будут напоминать мне о том, что мой сосед — человек, который

может разрушить мою спокойную учебную жизнь одним росчерком пера в зачетке.

Ключ в замке провернулся с пятой попытки. Я затаила дыхание, вслушиваясь в гулкую тишину подъезда. В сорок третьей было тихо. Ни шагов, ни звука отодвигаемого стула — ничего. Юркнув в прихожую, я прислонилась лбом к прохладному дереву двери и наконец-то выдохнула.

Весь вечер в кофейне я вздрагивала от каждого звона колокольчика, боясь увидеть в дверях его фигуру. Хватит. На сегодня с меня достаточно Стонова.

Я стянула рабочую форму и швырнула её в корзину для белья. Горячий душ немного помог — пар окутал плечи, смывая запах кофе, липкую летнюю пыль, которая не успела пропасть в начале осени и ощущение чужих взглядов. Переодевшись в свою любимую домашнюю одежду — короткие шелковые шорты и тонкую майку на бретельках, — я рухнула в кровать.

Но тишина квартиры не принесла покоя. Стоило закрыть глаза, как в темноте всплывали его сильные руки, уверенно сжимающие мел. «Марк Александрович», — прошептала я, и от собственного голоса по телу прошла дрожь.

Я злилась на себя. Злилась на него за то, что он вернулся. За то, что он такой... безупречный. За то, что теперь моя «самостоятельная жизнь» превратилась в минное поле.

— Да пошел ты, Стонов! — выдохнула я в подушку.

Нахлынувшая ярость требовала выхода. Не контролируя

себя, я резко развернулась и со всей силы ударила кулаком в стену — прямо туда, где за тонким слоем бетона могла находиться его кровать.

Звук получился неожиданно громким. Я замерла, прижав ушибленную руку к груди. Сердце замерло, а потом пустилось вскачь. Прошла секунда, две, десять...

И тут в мою входную дверь отчетливо постучали.

Три коротких, властных удара. Я похолодела. Это не мог быть никто другой. Только не сейчас. Только не в этом виде.

На ватных ногах я подошла к двери и, даже не посмотрев в глазок, приоткрыла её на цепочку.

Марк стоял в тусклом свете коридора. На нем были домашние брюки и та самая серая футболка, которая теперь, после лекции, казалась мне еще более интимной деталью. Его взгляд медленно скользнул по моим голым плечам, ключицам и остановился на лице.

— У вас снова проблемы с дверью, Лиза? — его голос в ночной тишине звучал пугающе низко. — Или вы так настойчиво звали меня к себе?

Я стояла у двери, судорожно сжимая пальцами край тонкой цепочки. Сквозняк, гулявший по ночному подъезду, бесцеремонно ворвался в прихожую, просачиваясь сквозь щель. Тонкая ткань майки мгновенно прилипла к телу, став почти прозрачной, и я почувствовала, как по коже побежали предательские мурашки.

Марк не шевелился. Его взгляд, до этого изучавший мое

лицо, потемнел и медленно, почти осязаемо, спустился ниже. Я видела, как кадык на его горле дернулся. Напряжение между нами стало таким плотным, что его, казалось, можно было коснуться рукой.

— Вы ударились, — это был не вопрос. Он кивнул на мою правую руку, которой я все еще прижимала к себе ушибленные, покрасневшие костяшки.

— Я... я просто случайно задела полку, — соврала я, чувствуя, как краснею до самых корней волос. — Простите, что разбудила. Уже поздно, Марк Александрович.

Я попыталась закрыть дверь, но он наложил ладонь на косяк. Его сильные пальцы с выступающими венами оказались в нескольких сантиметрах от моего лица.

— В университете я Марк Александрович, — произнес он, делая полшага вперед. Теперь нас разделяла только цепочка и несколько дюймов воздуха, пропитанного его ароматом. — А здесь, за этой стеной, я просто человек, которому вы только что едва не пробили дыру в спальне.

Он замолчал, и его взгляд снова вернулся к моим губам. Я видела, как его зрачки расширились, заполняя почти всю карию радужку.

— Лиза, — мое имя в его исполнении прозвучало как предупреждение и обещание одновременно. — Если вам что-то нужно... если вам страшно или вы снова не можете справиться с замком — просто постучите в дверь. Не нужно ломать стены.

Я не могла пошевелиться. Казалось, если я сделаю вдох, цепочка просто лопнет от этого давления.

— Идите спать, — тихо добавил он, и в его голосе прорезалась странная, почти болезненная хрипотца. — И наденьте что-нибудь потеплее. Сквозняки в этом доме очень коварны.

Он убрал руку и отступил в тень коридора, прежде чем я успела что-то ответить. Я захлопнула дверь и привалилась к ней спиной, сползая на пол. Сердце колотилось в самые ребра. Он всё понял. Он видел меня насквозь — и мою глупую ложь про полку, и мою невольную реакцию на его близость. И самое страшное было то, что послезавтра мне снова нужно было идти к нему на лекцию.

Я знала наше расписание наизусть: архитектурное проектирование по вторникам и история зодчества по четвергам. Дважды в неделю мне придется сидеть под этим тяжелым, пронизательным взглядом Марка Александровича и делать вид, что между нами нет этой тонкой стены, которая с каждой ночью становилась всё прозрачнее.

Дважды в неделю я буду заходить в аудиторию, чувствуя на себе не только его внимание, но и жгучую зависть одногруппниц, мечтающих оказаться на моем месте. Но никто из них не знает, что «место» это — в нескольких метрах от его кровати, за перегородкой, которая больше не кажется надежной защитой.

Я зажмурилась, вспоминая, как он стоял на пороге. Теперь каждый вторник и каждый четверг я буду искать в его

строгом голосе те самые хриплые нотки, которыми он произнес мое имя в полумраке коридора.

Глава 3

Марк

Очередной четверг начался с головной боли и чертовски крепкого кофе. Я стоял у окна в своей квартире, глядя, как Лиза выбегает из подъезда — взъерошенная, в какой-то безразмерной толстовке, которая должна была скрыть её фигуру, но на деле лишь подчеркивала её хрупкость.

Она пыталась спрятаться. От меня. От той ночи, когда она ударила в стену, а я стоял на её пороге, едва сдерживаясь, чтобы не переступить черту.

Я коснулся костяшек пальцев, вспоминая, как её кожа светилась в полумраке дверного проема. Та сцена стояла у меня перед глазами все дни с этой встречи. Тонкие бретельки, испуганный взгляд и этот звонкий удар в стену — её безмолвный крик, её протест против моего присутствия. Она боится меня, и у неё есть на то все причины. Потому что я сам боюсь того, как сильно меня тянет к этой девочке.

В университете я был безупречен. Темно-серый костюм, холодный тон, дистанция в милю. Я вошел в аудиторию истории зодчества ровно со звонком, и гул голосов мгновенно стих.

— Доброе утро. Сегодня мы переходим к практике, — я бросил журнал на кафедру, даже не глядя в него. Я и так знал, где она сидит. Третий ряд, с краю. Она уткнулась в тет-

радь, старательно избегая моего взгляда. — Нам нужно разобрать объемно-пространственную композицию на конкретном примере.

Я медленно прошел вдоль рядов. Девушки выпрямляли спины, поправляли волосы, ловя каждый мой жест. Но я видел только рыжую макушку.

— Студентка... — я сделал паузу, словно мучительно вспоминал фамилию, хотя она была выжжена в моем сознании. — Студентка Новикова. К доске.

Я услышал, как она судорожно вздохнула. Лиза поднялась, не глядя на меня, и прошла к кафедре. Когда она оказалась рядом, я снова почувствовал этот запах — ваниль и старые книги. Опасное сочетание.

Я протянул ей мел. Наши пальцы соприкоснулись на долю секунды, и я увидел, как по её шее поползли красные пятна. Она вздрогнула, но мел взяла.

— Изобразите мне разрез жилого здания с учетом несущих конструкций, — негромко произнес я, склонившись к самому её уху так, чтобы слышала только она. — Постарайтесь, чтобы стены были... надежнее, чем в нашем доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.